

ПЕРЕЧИТЫВАЯ МАКСА ВЕБЕРА (КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В НОВОМ КОНТЕКСТЕ)

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 июня 2025 г.

В ряду классиков мировой социально-политической мысли немецкому ученому Макс Веберу принадлежит, без сомнения, особое место. Трудно представить себе не только социологию или теорию политики, но и отраслевые политические дисциплины (например, политическую социологию, политическую экономию или социологию культуры), в которых не присутствовали бы его теоретико-методологические подходы и не использовался бы понятийно-категориальный аппарат, разработанный выдающимся немецким ученым. В этом отношении с Вебером может соперничать только К. Маркс, творческое наследие которого остается в центре научных дискуссий, вне зависимости от того, соглашались с ним или критикуют. Для сравнительной политологии «изобретенный» М. Вебером идеальный тип означал великое открытие основного инструмента сравнения и поистине фундаментальный прорыв от описательного к научному постижению культурного разнообразия мира.

Для России явление трудов М. Вебера в начале 1990-х гг. было особенно знаменательным. После безраздельного господства исторического материализма в социалистической части мира издание наиболее значительных работ немецкого теоретика стало важнейшим научным событием в общественно-политических и гуманитарных науках на исходе трагического и героического XX в. Работы главного оппонента Маркса на поле историко-политических исследований явились образцовым примером политологической парадигмы в исследовании природы власти, способов ее организации, закономерностей функционирования политики как важнейшего способа регулирования совместного существования людей, придающего смысл самому этому сосуществованию. Масштаб творческого наследия М. Вебера, несоизмеримый с его непродолжительной жизнью (1864–1920), и до сегодняшнего дня составляет необходимую основу для актуальных исследований политики, для совершенствования языка теории политики в целях ответственной задачи дешифровки той субстан-

ции, которая несет на себе «проклятие политического».

Однако «дешифровать» самого Вебера – задача не из легких: подводные камни скрытых смыслов и неоднозначных суждений поджидают смельчаков на каждом шагу. Тем увлекательнее наблюдать и оценивать их решительные усилия, заключающиеся не только в том, чтобы проникнуть в творческую лабораторию великого ученого, но и попытаться осуществить реконструкцию его концепции власти с тем, чтобы протестировать ее на современном материале, в рамках современного контекста «политического действия».

Такой замысел положен в основу монографической работы О. А. Игнатевой «Реконструкция концепции власти М. Вебера» (М.: Аспект Пресс, 2025. 158 с.). Автор – кандидат социологических наук, доцент факультета политологии СПбГУ. Проблемы легитимации власти, публичного управления, политической культуры давно входят в круг ее научных интересов. Нельзя не отметить смелость автора, обратившегося к исследованию одного из наиболее значительных научных достижений немецкого ученого – к концепции власти – с намерением перепроверить ее основные положения на примерах траекторий политического развития трех стран: Великобритании, Германии и России. Полагаем, что самому Веберу понравился бы такой набор кейсов: Великобританию он считал примером образцового политического устройства; судьба Германии – по понятным причинам – волновала его превыше всего; Россия же, напротив, являла ему пример бездарного управления как в лице монарха Николая II, так и его незадачливых преемников, что стало причиной государственной катастрофы 1917 г. Следует сразу же отметить, что эта попытка заслуживает уважения уже сама по себе, вне зависимости от того, к каким выводам приходит автор и насколько эти выводы найдут поддержку у его читателей.

Во введении О. А. Игнатеева убедительно обосновывается актуальность и важность исследовательской проблемы, отмечая значение наследия классиков, подобных Веберу, в изучении фундаментальных проблем современного общества, включая россий-

ское. По ее мнению, это поможет решению проблемы институционализации российской теоретической социологии, в которой «очевиден дефицит теоретической коммуникации специалистов» (с. 4)¹. Практическая же значимость работы связана с возможностью использования некоторых положений М. Вебера для совершенствования политической структуры общества и направлений политики государства.

По мнению автора, политические идеи не сформулированы Вебером в виде завершенной концепции, но присутствуют в его работах в несистематизированном и противоречивом виде. В них оценивается состояние европейского общества конца XIX – начала XX в., причем в критический момент его существования, на пороге и в ходе мировой империалистической войны. Своей задачей автор ставит выстраивание политических идей М. Вебера в цельную концепцию, обращаясь с этой целью к источникам на русском, английском и немецком языках и воздавая должное своим предшественникам – П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдову, Р. П. Шмаковой, В. П. Макаренко, А. Ф. Филиппову и другим, занимавшимся исследованием разных аспектов феномена власти. Автора рецензируемой монографии можно по праву считать их наследницей.

Основные идеи классика систематизированы в виде трехуровневой концепции с учетом контекста и генезиса их создания. За отсутствием, по мнению автора, в социологии общепринятой методологии реконструкции концепции, для осуществления поставленной задачи использовался опыт историко-теоретического анализа, проводившегося в работах Ю. Хабермаса, П. А. Сорокина, Г. С. Батыгина и Д. Г. Подвойского, в которых речь шла о реконструкции сложных теорий. Заметим, что помимо указанных авторов, блестящим образцом реконструкции сложных теорий является знаменитая работа К. Поппера «Открытое общество и его враги» и не менее знаменитое исследование Р. Арона «Этапы развития социологической мысли». Апробация концепции власти М. Вебера проводится на основе принципов исторической социологии; некоторые постулаты сравниваются с положениями теоретиков политической культуры – Г. Алмонда, С. Вербы, М. Хантингтона.

Первый параграф первой главы посвящен реконструкции концепции политической власти, представленной в ряде ключевых работ М. Вебера. О. А. Игнатьева полагает, что реконструкция социологической концепции, с одной стороны, допускает некоторую независимость исследователя при выборе направлений анализа, а с другой стороны, является систематизацией идей первоисточника по определенному критерию с их последующим толкованием, т. е. ин-

терпретацией. «Таким образом, систематизация идей Вебера в концепцию осуществляется на основании руководящего критерия – политической власти, при этом структура реконструируемой концепции (типы господства, принципы реализации и этическая сторона политической власти) задается автором самостоятельно, поскольку для понимания сущности этого феномена необходимо его рассмотрение как в статике, так и в динамике» (с. 10). Здесь фактически заявлена исследовательская программа автора монографии, обозначенная четко и со знанием дела.

Первая часть концепции – фундаментальные структуры власти (типы господства) формируются на основании синтеза идей о легитимности власти. Для корректной интерпретации этого раздела автор обращается к контексту создания работы, т. е. к мировоззренческим установкам М. Вебера и к социально-политической ситуации в Германии в тот период. Автор уточняет смысл понятий «власть», «господство», «легитимность», выделяя вслед за Вебером три ее основных типа. Содержание традиционного господства уточняется с опорой на ряд работ Вебера, синтез которых автор производит самостоятельно. Далее излагаются разновидности традиционного господства: геронтократическое, патриархальное, патримониальное и феодальное плюс конституционная монархия (из более поздних работ Вебера). Харизматический тип господства – «слишком человеческий» – по понятным причинам вызывает наибольший интерес и, соответственно, наиболее оживленные дискуссии. Присутствуют они и в этой книге как неизбежное следствие рассогласования между восприятием пророка, как обладателя харизмы – «божьего дара» убеждения (и только), и современного партийного вождя, располагающего массой технических возможностей для создания собственного привлекательного имиджа. Легально-рациональное господство олицетворяется, прежде всего, руководящим политиком и бюрократическим аппаратом, функционирующим, подобно машине, слаженно и эффективно. Создание Вебером целостной концепции бюрократии как воплощения формальной рациональности представляет собой огромный вклад в управленческие науки.

Следующая совокупность положений относится к тому, как должна быть обустроена и функционировать власть. Центральной идеей М. Вебера в этом плане выступает объединение трех типов господства, материализованных в фигурах монарха, бюрократии и харизматического политического лидера и служащих эффективному функционированию политической системы. Идеальной моделью ему представлялось устройство властных институтов в Великобритании, где эффективно функционирующий парламент выступал как противовес сильной бюрократии и как «кузница» публичных политических лидеров. Не

¹ Впредь ссылки на книгу будут даваться в тексте статьи.

менее важным является вопрос о соответствии состава правящей элиты социально-экономическим реалиям общества, т. е. кооптация в ее ряды представителей экономически восходящего класса. Немаловажную роль в целях эффективного государственного управления играет также политическая культура населения: демократические свободы существуют лишь там, «где за ними решительная воля нации не дать править собой, как стадом баранов» (с. 27). Наконец, институциональная структура – национальное государство, озабоченное сохранением целостности своей территории и поддержанием единства немецкой нации. О. А. Игнатьева утверждает, что Вебер оправдывал территориальную экспансию национального государства расширением его политической власти и увеличением шансов для карьерного роста его коренного населения, вынашивал даже идею мирового господства, обретшую содержание в годы Первой мировой войны. Однако в этой части автор монографии цитирует преимущественно тексты, изложенные вдовой ученого, Марианной Вебер, что, на наш взгляд, не вполне идентично общему строю собственных размышлений ученого.

Третья совокупность теоретических положений М. Вебера касается анализа этических аспектов политической власти. Здесь позиция немецкого классика представляется автору монографии особенно спорной и неоднозначной, встречая наибольшее количество возражений и предостережений по поводу ее применимости в современных условиях.

Во втором параграфе главы I («Концепция политической власти М. Вебера и проблемы ее восприятия: веберизм, постструктурализм, функционализм») О. А. Игнатьева постаралась проследить влияние идей М. Вебера о власти на развитие социологии, выявить связи между его идеями и идеями его последователей (веберизм), а также осуществить сравнительный анализ веберовской концепции с наиболее влиятельными концепциями власти (М. Фуко, П. Бурдьё, Н. Лумана).

В числе «веберизмов» указаны немецкие ученые – соотечественники М. Вебера (в первую очередь В. Моммзен и Р. Брайнер) и представители гейдельбергской школы (В. Шлюхтер, П. Лепсиус и Т. Фальпаль). Общими чертами последних в подходе к интерпретации работ немецкого классика является наличие исследовательской программы с последующим применением ее к анализу процесса образования социальных институтов, а также акцент на ценностях в качестве детерминанты социального действия и социальных институтов.

Американские интерпретаторы социологии власти М. Вебера (Ш. Волин, Т. Доу и др.), отмечая противоречивость политических идей последнего, уделяют особое внимание проблеме «объективности

научного познания, использование принципа свободы от оценочных суждений». Это касается в первую очередь героического этоса харизмы, а позже призвания. Л. Скафф продолжает анализ харизматического лидерства М. Вебера в контексте плебисцитарной демократии, полагая, что практическая реализация этой идеи в государственном устройстве Веймарской республики способствовала появлению авторитарного лидера, подчинившего себе административный аппарат, ослабившего парламент и манипулирующего общественным мнением (с. 49). Так или иначе, но мрачные годы нацистского правления в Германии налагают свою тень на одну из ключевых идей немецкого классика, вне зависимости от того, справедливо это или нет.

Российские «веберизм» (Р. П. Шмакова, П. П. Гайдено, Ю. Н. Давыдов, В. П. Макаренко и др.) рассматривали теоретико-методологическое наследие М. Вебера в контексте исследования проблем бюрократии: стабилизации политической системы в условиях переходного периода в постсоветской России; легитимности власти как условия ее устойчивого и продолжительного существования. Трактовки теоретико-методологического наследия М. Вебера у отечественных исследователей разнятся, иногда довольно существенно, что позволяет и О. А. Игнатьевой включиться в этот увлекательный дискурс, иногда даже излишне темпераментно. Интересно поданы в монографии критика работ (и идей) М. Вебера представителем постмарксизма Д. Лукачем; различия в трактовках власти В. Вебера и Т. Парсонса; противопоставленные М. Веберу подходы для характеристики политической власти у М. Фуко и, напротив, близкая к представлениям М. Вебера концепция власти у П. Бурдьё. Напротив, Н. Луман рассматривает политическую власть не как волевое действие (у Вебера), а как коммуникативное средство, что сближает его с позицией Т. Парсонса. Иными словами, известная преемственность в трактовках власти у Вебера и современных теоретиков существует (рациональность, дисциплина, власть как система эксплуатации – у М. Фуко; определение власти и ее характер, бюрократия – у П. Бурдьё; потенциальная репрессивность власти – у Н. Лумана) (с. 73).

Во второй главе О. А. Игнатьева обращается к рассмотрению методологического значения концепции политической власти М. Вебера для анализа современных властных отношений, определения практического значения веберовской типологии господства при анализе властных структур современных обществ. Для решения этой задачи отобраны три кейса, на примере которых автор последовательно рассматривает три основных типа властных отношений, разработанных М. Вебером в рамках идеал-типического подхода.

Первый из них – традиционный тип господства – наиболее ярко представлен в Англии. Демонстрируя хорошие навыки исторического анализа, автор монографии воспроизводит историю института британской монархии с далеких времен и до наших дней, подчеркивая зависимость между одаренными государственными деятелями, управлявшими страной, и ее бурным экономическим подъемом и ростом международного влияния. Справедливо отмечается, что монархия в Великобритании не столько политический институт, сколько культурный конструкт, выступающий символом единства нации и политической стабильности государства.

Что касается Германии, то сравнительно позднее объединение германских земель в единое государство – Германскую империю и недалековидная позиция амбициозного монарха – Вильгельма II «не позволили своевременно модернизировать политическую систему по образцу Великобритании, что привело к низложению монархического института» (с. 78). Нынешняя ФРГ скорее напоминает столь желанную М. Веберу модель конституционной монархии английского образца, где должность федерального президента – преимущественно представительская (церемониальная) – во многом соответствует объему полномочий и политическим функциям современного британского монарха, но в рамках республиканской политической конструкции.

Интересно поставлен вопрос о традиционном типе господства в России: были ли шансы сохранить монархию как символ устойчивости политической системы в британском духе? Ответ автора однозначно отрицательный: на момент 1917 г. таких шансов практически не было по вине самого Самодержца Всея Руси, как называл себя император Николай II. Феодальная Россия с самодержавным строем становилась все большим препятствием на пути капиталистического развития, поскольку суверен власти не желал принимать конституционные ограничения своих полномочий (по британскому примеру). Эта упрямая недалековидность абсолютного монарха привела к ликвидации не только династии Романовых, но и института монархии как ключевого компонента смешанного господства, призванного обеспечить ее устойчивость. Принимая в целом и проведенный анализ, и конечные выводы автора, считаем необходимым усомниться в следующем выводе: «как и в Германии, в современной России отсутствует тип традиционного господства» (с. 78). Действительно, с точки зрения институциональной формы традиционный элемент отсутствует, но в политико-идеологическом, культурном и символическом отношении заметно исторически обусловленное влияние традиционного политического господства.

Столь же последовательно и тщательно автором рассматривается харизматическое господство в политической системе современных государств, представленное партийным лидерством, а иногда и общегосударственным руководством. В ряду британских политиков отмечен Э. Блэр, трижды приводивший лейбористскую партию к победе на парламентских выборах 1997, 2001 и 2005 гг. В Германии в качестве примера харизматического лидера назван первый послевоенный канцлер К. Аденауэр, сумевший объединить три части Германии, находившиеся под контролем западных держав, и всеми силами и возможностями укреплявший положение своей страны. В России феномен харизмы представлен на примере президента Б. Ельцина – архитектора современной политической системы РФ. Справедливо подчеркивая, что Б. Ельцин был борцом против системы, обличителем своих однопартийцев, воплощением нового будущего страны, автор, на наш взгляд, излишне доверяет мемуарам российского президента (в частности, книге «Исповедь на заданную тему» (1990)), герой которой, по понятным причинам, романтизирует и идеализирует свое продвижение к вершинам власти. В реальности Ельцин был полноценный национал-популист, о чем говорят как его поездки по Москве в общественном транспорте и отказ от спецпайков, так и известное предложение национальным республикам в составе РФ «брать столько суверенитета, сколько пожелаете». Он был видным представителем партийной номенклатуры, но в критический для партии момент вышел из нее и стал лидером общественного движения «Демократическая Россия», что не противоречит ни его идентификации как популиста, ни тезису Вебера о партийном/парламентском вожде.

Следующая в типологии господства категория легально-рационального господства, которая предполагает, что как руководитель, так и штаб управления действуют на основе закона, приоритет которого общепризнан. Автор справедливо отмечает, что модель рациональной бюрократии, созданная Вебером в рамках его концепции власти, находит свое подтверждение в административной системе современной Великобритании с небольшой корректировкой на то, что «в качестве регуляторов деятельности соответствующих должностных лиц служат не только законы, но и традиции, а также моральный кодекс» (с. 96). Современная политическая система Великобритании, сочетающая в себе три типа господства, как и во времена Вебера, способствует эффективному управлению страной. В целом же в современных условиях основу структуры власти большинства развитых стран составляет легально-рациональное господство с одновременным присутствием элементов харизматического и (или) традиционного господства.

в их «смягченных» версиях (конституционного монарха или партийного лидера) (с. 101).

В разделе 2.2 «Значение многообразия принципов реализации политической власти» О. А. Игнатьева уточняет набор принципов, необходимых для эффективного управления государством: сочетание разных типов господства, наличие развитой (гражданской) политической культуры, доступ во власть экономически восходящего класса, а также формирование национальной идентичности для поддержания порядка внутри страны и экспансионистскую территориальную политику для увеличения международного престижа государства вовне (с. 102). Здесь проверяется познавательная эффективность принципов реализации государственной власти, сформулированных Вебером в новых условиях.

В этом разделе монографии поднято очень много проблем и соответствующих сюжетов, несомненно, крайне интересных в контексте заявленной темы, однако каждый из них заслуживает отдельного обстоятельного исследования. Например, гражданская политическая культура – в единстве трех ее элементов – теоретически выступает залогом эффективного государственного управления, однако последнее присутствует далеко не везде. Трудно спорить с тем, что основанием каждой национальной культуры – английской, немецкой, российской – выступают особенности религии и специфика национального мировоззрения, но означает ли это неподвижность и неизменность этих культурных конструкций? Эти вопросы нуждаются в самостоятельном исследовании, что лишь подтверждает то значение, которое М. Вебер уделял культуре как таковой и ее роли в политических процессах.

Другой чрезвычайно важный сюжет – ротация элиты, призыв во власть тех группировок элиты, которые соответствуют экономическому и политическому этапу развития и прогрессу данного общества. Исследование этого вопроса предполагает тщательный социологический и статистический анализ состава ключевых элитных групп, каналы их рекрутирования, наличие либо отсутствие внутリエлитного консенсуса и т. д. Беглое знакомство с этой темой в диапазоне трех выбранных стран порождает больше вопросов, чем ответов, причем основная масса вопросов касается России.

Не менее сложный и важный вопрос сегодняшнего дня – формирование общенациональной идентичности. Автор справедливо отмечает растущее воздействие новых факторов, создающих угрозу общенациональному единству: активизация локальных и региональных идентичностей, возникновение феномена «разделенных обществ», массовая миграция в Европу из инокультурных регионов Азии и Африки, сложности политики мультикультурализма, полити-

ческая активность популистских сил, раскалывающих общества на «своих» и «чужих» и т. д. В современной политике демократических государств, в том числе и в области межэтнических отношений, учитываются рекомендации М. Вебера в отношении формирования единой нации как залого существования стабильного государства. Это в равной степени относится и к России с ее прошлыми и настоящими поисками объединяющей национальной идеи.

В заключительном разделе своей монографии О. А. Игнатьева вновь обращается к одной из самых тонких материй в сфере политического анализа – к этическим аспектам политической власти. Заслугой М. Вебера, по ее мнению, является то, что он *впервые* ввел в научный оборот понятие этики ответственности политической власти. При этом О. А. Игнатьева полагает, что Вебер возлагал ответственность за выбор цели и средств политики исключительно на отдельного человека, что трудно сопоставимо с XXI в., поскольку проблема выходит на глобальный уровень. Кроме того, пути решения дилеммы целей и средств в политике, а также особых требований, предъявляемых к субъекту власти у Вебера, сегодня «являются неэффективными и даже вредными для существования и развития общества» (с. 40). С последним тезисом попытаемся поспорить.

Завершая обзор этой чрезвычайно интересной, информационно насыщенной монографии, хочется отметить, прежде всего, ее самостоятельность, оригинальность и сильное авторское начало. Даже там, где имеют место определенные структурные накладки, в частности, известная повторяемость сюжетов в описании типов господства в трех странах, последняя подчинена исходному замыслу и следует авторской логике. Хотя, возможно, стоило бы последовательно рассмотреть все три типа господства на примере каждой страны в отдельности, а не разрывать общую ткань повествования, путешествуя из Англии в Россию (через Германию) и обратно.

Вместе с тем хочется возразить автору по двум принципиальным позициям. Во-первых, насколько справедливы обвинения М. Вебера в том, что его идея о полномочиях рейхспрезидента, избираемого путем всенародного голосования и выступающего символом национального единства, войдя в текст Конституции Веймарской республики, «обусловила установление нацистской диктатуры в 1933 г.»?

Полагаем, что дело в драматическом контексте 1930-х гг., в трагическом совпадении целого комплекса факторов, приведших к установлению нацистской диктатуры. В их числе экономическая нестабильность, чувство национального позора, пережитого немцами после поражения в Первой мировой войне, авторитарные традиции имперского наследия и т. д. Конечно, нельзя недооценивать и роль институцио-

нального фактора, однако в первые годы Веймарской республики президентам Ф. Эберту и П. фон Гинденбургу удавалось править с опорой на парламентское большинство, и «веберовская» статья в Конституции этому не мешала и диктатурой не грозила. Однако когда противостояние партий в рейхстаге уничтожило саму идею парламентских коалиций и подорвало стабильность деятельности правительств, возник традиционный запрос на наведение порядка и укрепление государственности. В гибели Веймарской республики, на наш взгляд, повинны не только сверхполномочия рейхспрезидента, сделавшего ставку на лидера победившей на выборах 1933 г. политической партии (НСДАП), но и неразбериха в парламенте, отсутствие элитной трансформации в условиях новых демократических институтов, резкая поляризация политического спектра в виде двух антагонистических полюсов: правого (НСДАП) и левого (КПП) и т. д. Будь в парламенте иная коалиция, результат мог бы быть совершенно другим, однако институциональная конструкция фактически блокировала любые стимулы к кооперативному поведению. Помимо прочего, многие парламентарии следовали этике убеждения (судя по всему, «стерильного»), и М. Вебер справедливо указывает на это обстоятельство: партия центра, с одной стороны, и социал-демократы, с другой – «были прирожденными партиями меньшинства, и именно *умышленно*... Социал-демократия оставалась принципиальной партией меньшинства и помехой парламентаризации, ибо *не хотела мараться о существующий буржуазный политико-гражданский порядок* (выделено нами. – А. Г.) (с. 302). Иными словами, обе эти партии не были готовы установить работающую парламентскую систему. Как пишет немецкая исследовательница У. Хоффман-Ланге, они продолжали заниматься «идеологическими словопрениями и не желали предпринять необходимые шаги по формированию устойчивых и эффективных правительственных органов» [1, с. 53]. Платой за их близорукость стало установление диктатуры, жертвой которой стали и они сами².

Во-вторых, на наш взгляд, этика убеждения неоправданно противопоставляется этике ответственности. Настоящий лидер должен и убеждения иметь по поводу праведной цели, и просчитывать свою ответственность по достижению этой цели (т. е. сочетать страсть и глазомер, а не противопоставлять их друг другу). Политики, одержимые только страстью, т. е. «высокой целью», «большими идеями», подобные Наполеону, часто утрачивают чувство меры и политическую зоркость и в результате теряют все. Политики, признающие только добродетели ответственности, часто не готовы действовать там, где для

этого предоставляется «окно возможностей» и упускают последние. Между тем в политике это может иметь роковые последствия. Кем был К. Аденауэр для немецкой политики? До Первой мировой войны не публичный трибун, но мэр г. Кельна; преследуемый интеллигент при нацистах; старейший член, а затем лидер вновь созданной партии – ХДС, уверенно победившей на первых послевоенных демократических выборах; человек, взваливший на свои плечи непосильный груз ответственности за разгромленную страну. Как пишет о нем Г. Киссинджер, «во взрослом возрасте Аденауэр повидал три инкарнации германского государства: свирепость кайзеровской Германии, внутренние потрясения Веймарской республики и авантюры Гитлера, которые привели страну к самоуничтожению и разделу...» [2, с. 32]. Но всего за шесть лет Аденауэр привел свою страну от послевоенного раскола, штрафных мер Оккупационного статута и репараций к вступлению в Европейское сообщество и полному членству в НАТО. Равноправное положение Германии в новой Европе, предтечей которого стало избрание Аденауэра на пост канцлера, было достигнуто благодаря стратегии смирения и признания вины. Полагаем, что этот политик в полной мере сочетал в себе и необходимую лидеру страсть в смысле ориентации на существо дела (несмотря на критические нападки политических оппонентов, называвших его «канцлером союзников»); и глазомер как способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальности (т. е. реальности *побежденной* страны); и ответственность перед своим делом (включая покаяние) как главную добродетель политика³.

Современная ситуация в мире характеризуется резким обострением международных отношений, возобновлением жесткого соперничества «властных» (в терминологии М. Вебера) держав за мировое лидерство, за многополярный мир, подъемом правопопулистских партий и движений, испытывающих на прочность редуты либеральной демократии [3] и т. д. В академическом дискурсе вновь возрождается обсуждение проблемы «сильных лидеров» [4]. Такой контекст резко актуализирует все те сюжеты и размышления о политическом устройстве государства, демократическом процессе принятия политических решений, специфике партийно-политической борьбы, которые занимали мысли и чувства М. Вебера и которым он дал свое фундаментальное толкование. Как и должно быть, новый социально-политический контекст затребовал компетентные консультации по

² Лидер СДПГ К. Шумахер 10 лет провел в концентрационных лагерях.

³ Когда его спросили, каким бы он хотел остаться в памяти потомков, К. Аденауэр попросту ответил: «Человеком, делавшим свое дело» [2, с. 86].

поводу того, как интерпретировать происходящее и чего ждать в будущем, и мы снова обращаемся к М. Веберу. Если даже он в чем-то ошибался и чего-то недоглядел, в целом в политике он видел дальше и лучше многих. «Обстоятельства политической жизни изменились с тех пор не раз, но рамка понятий, в которых возможно социологически исследовать политическую жизнь и политическую власть, остается до сих пор одним из лучших результатов, достигнутых политической мыслью», – считает А. Филиппов, и с ним трудно не согласиться [5, с. 58]. Как следует из рецензируемой монографии, в нынешнем политическом устройстве государств либеральной демократии учтено большинство озабоченностей и предостережений, которые им адресовал автор сборника «Власть и политика» почти столетие назад.

*Воронежский государственный университет
Глухова А. В., доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры социологии и политологии
E-mail: soc@hist.vsu.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация : германский опыт / У. Хоффман-Ланге // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – С. 50–57.
2. Киссинджер Г. Лидерство / Г. Киссинджер ; [пер. с англ. С. Рюмина]. – М. : Изд-во АСТ, 2024. – 624 с.
3. Глухова А. В. Популизм как политический феномен / А. В. Глухова // Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 49–68.
4. Шестопал Е. Б. Парадоксы политического лидерства / Е. Б. Шестопал // Политические исследования. – 2023. – № 3. – С. 181–191.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Власть и политика. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – 432 с.

*Voronezh State University
Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: soc@hist.vsu.ru*